УДК: 433

Матвеева Евгения Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Российская Федерация, г. Орёл), e– mail: evgmatveeva@bk.ru

ИСТОРИЯ ПРИМЕНЕНИЯ СМЕРТНОЙ КАЗНИ ПО ОТНОШЕНИЮ К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Основной *целью работы* является анализ архивных материалов и законодательных актов, в которых приводятся примеры, и оснований для использования смертной казни в отношении к несовершеннолетним. На основе приведённого материала автор разрабатывает выводы о возрастных характеристиках и категориях правонарушений, по которым выносились данные решения о высшей мере наказания. Основываясь на нарративном методе, автор излагал в описательно– повествовательном стиле основные исторические периоды, в которых происходили общее становление системы наказаний в отношении несовершеннолетних и частные случаи применения к ним смертной казни. Выявление историко–правовых особенностей в применении смертной казни для несовершеннолетних в России проводилось на основе анализа официальных источников, нормативных правовых актов и статистических данных, что позволило автору провести историко– правовую характеристику.

Ключевые слова: история, несовершеннолетние, ответственность несовершеннолетних, смертная казнь в России.

MATVEEVA E.S. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and International Relations, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Orel, Russian Federation), e– mail: evgmatveeva@bk.ru

THE HISTORY OF USING DEATH PENALTY ON THE RELATION TO THE MINORS IN PREVOLUTIONARY RUSSIA

The main goal of the work is the analysis of archival materials and legislative acts, in which examples are given, and the grounds for using the death penalty in relation to minors. Based on the above material, the author makes conclusions on the age characteristics and categories of offenses for which these decisions were made on capital punishment. Based on the narrative

method, the author presented the main historical periods in the narrative style in which the general development of the system of punishment against minors and special cases of the application of the death penalty to them took place. The identification of historical and legal peculiarities in the application of the death penalty for minors in Russia was carried out on the basis of an analysis of official sources, normative legal acts and statistical data, which allowed the author to carry out a historical and legal description.

Keywords: history, minors, responsibility of minors, death penalty in Russia.

Понятие «детство» или «несовершеннолетнее положение» многие авторы относят к междисциплинарному объекту исследования, который принадлежит к разным областям исследования – истории, праву, философии, этнографии, педагогики, психологии, социологии и другим. Проблематика, которая связывается со смертной казнью или же правовым статусом для несовершеннолетнего, возраста их ответственности по правонарушениям, в историческом контексте признаётся спорным и сейчас. Важным является указание на разные классификации данных проблем, национальной специфики, норм права, половозрастной характеристики и религиозной принадлежности.

В истории стран именно нормы уголовного права определяли условия для вынесения различных приговоров, именно в этих документах фиксировался возраст, с которого начиналась ответственность и тяжесть наказания за правонарушение. Государственная политика, обращённая на борьбу с преступлениями несовершеннолетних для России, проходила в несколько периодов, которые имеют диаметрально разную законодательную регламентацию. В стране прошла полная эволюция представлений – от игнорирования вопросов подростковой преступности до выявления самостоятельного и особенного феномена и дальнейшее гипертрофирование этих значений в социально–криминологической плоскости. Начиная с XVII– XVIII веков в России утверждаются законодательные акты, регулирующие и фиксирующие судопроизводство в отношении несовершеннолетних, известны даже случаи применения смертной казни. Общемировая тенденция данного вопроса состоит в том, что вплоть до середины XIX века правовое положение малолетних и судопроизводство над ними было жестоким и несправедливым.

В самый древний период русское законодательство хотя и обладало достаточно развитой системой правовых норм, но вопросы отличного правового статуса или ответственности малолетних за различные имущественные правонарушения не регулировались. Первоначально, как видно в сохранившихся списках законов, не устанавливались возрастные границы для правонарушителей, и при этом ещё действовали нормы церковного права, по которым ребёнок до семи лет являлся безгрешным. Смертная казнь официально в документах не фикси-

ровалась к взрослым и детям, так как с принятием христианства это признавалось проявлением кровной мести, основанной на языческих верованиях.

Но в Уставе Ярослава Мудрого по земским делам, в градских и иных законах уже отмечается, что лица младше 12– ти лет могут наравне со взрослыми разным подвергаться наказаниям, кроме применения высшей меры. Это была единственная гуманная поправка в данном вопросе по сравнению с достигшими совершеннолетия. В Судебнике 1550 года вводится запрет малолетним для участия в поединках против взрослых и целование креста для доказания невиновности. Так, является задокументированным повешение 1614 года малолетнего (3 года) Ивана Дмитриевича «ворёнок», но именно в данном случае прослеживается некоторый политический подтекст в борьбе за престол. Как отмечено в Сборнике Русского исторического общества, мать ребёнка умерла сама «от тоски», а его казнили, но не сразу с Заруцким, а несколько позднее, так как итоговый приговор сопровождался колебаниями. Это обстоятельство свидетельствует о том, что данная мера наказания для юных обвиняемых носила частный характер. Далее уже в Соборном Уложении 1649 года Алексея Михайловича систематизировались нормы и указывалось, что суд и дальнейшая расправа равны для граждан по всем категориям дел. Закреплялась норма об использовании смертной казни к несовершеннолетним вместе с родителями, если совершалось правонарушение против личности царя или Церкви. Но в дополнении к Соборному Уложению от 1669 года впервые упомянули: «… аще отрок 7– ми лет убьёт, то смерти он будет неповинен…» . Эта норма закрепляла и возраст, и смягчение наказания в виде отказа от высшей меры в пользу детей.

Выявление особенностей в преступных деяниях несовершеннолетних как для обособленной правовой категории, нуждающейся от государства в предупредительном и профилактическом воздействии, начали с XVIII века. В ходе петровских преобразований России Воинский артикул не определял точный возраст, но в определении артикула 195 устанавливалось только о наказании за воровство: «…если же вор будет младенцем, то содеянное по обыкновению умаляется и оставляется, дабы его отучить, родители лозами наказать могут…». От родителей удары лозами не воспринимались как уголовное наказание, их применение было не от имени государства. Именно в этом и состоял гуманизм в Воинских Артикулах и Морском Уставе. Активное государственное реагирование на подростковую преступность отсутствовало, поэтому восстановление справедливости и дальнейшее исправление или предупреждения новых преступлений несовершеннолетних меры родительского воздействия были признаны достаточными. Важно уточнить, что виновность несовершеннолетнего Воинские Артикулы смягчали отказом от публичности только за воровство, но при свершении более тяжких и общественно опасных правонарушений наказания всё же применяли и вместе с пытками. Аналогичные уточнения содержались в толкованиях артикула 131 по

Морскому Уставу. Про смертную казнь отдельных указаний не было.

Далее юридическая практика дел по преступлениям, совершённым детьми, начала определять особый порядок их рассмотрения и дифференциацию мер ответственности, включая различные альтернативы для уголовного наказания. В процессе трансформации отношения общества к проблемам детства, формирования универсальных представлений об этом периоде, как важном и специфическом в жизни, государственные органы стали более обдуманно вносить изменения в законы, регламентировавшие права подданных, и в судопроизводство над ними. В данный период Сенат рассматривал дело Федоровой – 14-летней крестьянки, случайно задушившей свою младшую подругу и далее уже намеренно убившей другую девочку, скрывая содеянное. В.В. Есипов отмечал, что по Указу Елизаветы Петровны в особо спорных ситуациях по правонарушениям лиц моложе 17– ти лет дела необходимо было передавать для рассмотрения в Сенат, где определялась мера их вины. В результате долгих обсуждений по делу Федоровой Сенат всё же запретил использование смертной казни к преступлениям, совершаемым в состоянии «малолетства и недомыслия». Данная формулировка стала первым официальным ограничением уголовной ответственности несовершеннолетних для нашей страны.

При Елизавете Петровне Указ Сената от 23 августа 1742 года внёс уточнение: «…признание малолетних людей обоего пола по рождению до 17– ти лет, совершивших тяжкие правонарушения, виновными, но при освобождении от пыток, смертной казни да кнута, ввиду присуждения битья батогами или плетьми и определения в монастыри для исправления…» . Детей до 17– ти лет в тот период избавляли от высшей меры наказания. Их направляли в дальние губернии с суровыми условиями проживания для выполнения тяжёлых работ. Такие же требования были и для ссылки в дальние монастыри, при максимальном сроке исправления в них до 15 лет. Таким образом, уже с этого времени законодатель стремился в качестве основной цели наказания добиться исправления или перевоспитания малолетних, извлекая их из привычной преступной среды и приобщая их к правомерному поведению и духовному воспитанию.

Указ Сената от 18 июля 1744 года «О наказаниях преступников малолетних», исходя из корректив Синода, совместно внес изменения по понятию малолетства, которое отделяли от несовершеннолетия. Порогом в понимании малолетства Сенат обозначил 12–летний возраст. В несовершеннолетнем состоянии доказали способность осознания характера совершаемых деяний, поэтому возрастной ценз остался прежним – 17 лет. В делении по возрасту только лишь малолетних освобождали от пыток и смертной казни, с сохранением телесного наказания. Если ими совершались наиболее тяжкие преступления, например, убийство, поджог или же святотатство, то их публично наказывали плетьми (что в принципе могло завершиться и смертью), а также ссылали в отдалённые монастыри для исправления и выполнения тяжелых работ.

Преступников 10– 15 лет рекомендовано было наказывать розгами. Эффективность применения мер физического воздействия к детям не только тогда не осуждалась, но и считалась важной нормой, которая всячески поощрялась в нравоучительных и педагогических сочинениях. Как отмечает дореволюционный учёный Н.С. Таганцев, на практике всё же в применении наказаний часто отступали от возраста и противоречили закреплённым в 1742 и 1744 годах нормам, поэтому лиц 18 и 19–летнего возраста могли признать малолетними.

Значительная секуляризация русского общественного сознания, проникновение идей гуманизма и просвещения, дальнейшее расширение представлений о мире и формирование идей о ребёнке как о tabula rasa (с латинского – «чистая доска»), а также утверждение идей о развитии и формировании личности и иные совокупности факторов способствовали коренным изменениям в социально– психологическом отношении к несовершеннолетним, выявляя новые технологии воспитания и активной ресоциализация личности. Поэтому впервые при Екатерине II, стремящейся к европейским ценностям, по решению Правительствующего Сената закрепили, что с 17– ти лет наступает совершеннолетие, а уже с 10– ти лет уголовная ответственность. Малолетних преступников в возрасте с 10 до 15– ти лет освобождали от телесных наказаний с общим сокращением сроков для лиц в возрасте с 15 до 17– ти лет. Далее Указ Екатерины II от 26 июня 1765 года «О производстве уголовных дел, учинённых несовершеннолетними, и различиях по возрасту преступников» внёс кардинальные изменения, установив полную невменяемость малолетних до 10 лет. Смягчение наказания для несовершеннолетних с 10 до 17– ти лет предусматривало запрет на пытки с предписанием «…об употреблении во взыскании справедливости больше милосердия, нежели жестокости, а возраст до 10– ти лет преступлением не считать, отдавая для наказания матерям, отцам или помещику…». С этого времени основным целям карательной политики придавали дуалистический характер, заключающийся в стремлении оградить несовершеннолетних от дальнейшего совершения опасных деяний и предупреждении других граждан о последствиях подобных поступков.

Наказ Екатерины II перед составлением проекта нового Уложения уточнял, что «…любая строгость, превосходящая пределы, бесполезна, а следовательно, мучительна…». Законодатель должен был показать неизбежность наказания, так как «…знание о малом, но неизбежном наказании впечатляет сильнее сердце, нежели страх тяжёлой казни, вместе с надеждой избежать данного…». Это первое указание, когда начали расследовать дела, связанные с несовершеннолетними, выясняя причины содеянного и степень влияния взрослых подстрекателей. Судопроизводство по мелким правонарушениям было обычным, а если правонарушения были тяжкие, влекущие кнут или же смертную казнь, то в исключительном порядке их представляли для уточнения наказания в Сенат.

Таким образом, как видно из Наказа, случаи применения смертной казни к несовершеннолетним всё же были, но законодатель стремился перепроверить все обстоятельства и по возможности заменить более гуманным наказанием. Начиная с XVIII века в законодательстве России закладывались нормы профилактического воздействия на несовершеннолетних, основывавшиеся на принципах гуманизма и неотвратимости ответственности.

Идеи и опыт предыдущего периода получают дальнейшее развитие в XIX – начале XX века. Ситуация в отношении применения смертной казни для несовершеннолетних трансформировалась ввиду изменений в развитии российской государственности, роста социальной напряжённости, углубления различных кризисных явлений и, как следствие, роста преступности. Преступления, совершаемые подростками, не отличались особенно высокой степенью опасности, чаще всего это были незначительные корыстные имущественные правонарушения, но интерес к данной проблеме повышался в связи с ростом Российской Империи, увеличением числа малолетних преступников и правонарушений, совершаемых ими в группах. Результатом длительного и кропотливого процесса кодификационной работы над всеми законами Российской Империи было принятие Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Несовершеннолетними признавались все лица, которые достигли 7– ми лет и недостигшие 21– го года. На основе предшествующих представлений о формировании личности, его социальных, психологических, нравственных и физических качеств важным представлялся не столько возраст как таковой, а степень умственной и социальной зрелости ребёнка, т.е. его «разумение». Именно этот критерий признавался необходимым для уголовного вменения. К малолетним до 7– ти лет критерий «разумение» не применялся, к ним не применялась и уголовная ответственность. Для возраста с 10 до 14– ти лет предписывалось установление наличия способностей к вообще какой–либо виновности (с 1845 года), а для более старших с 14 до 17– ти лет необходимо было установление способностей к абсолютному или «полному разумению» (с 1866 года). С 1897 года вопрос о разумении в целом применялся с 10 до 17– ти лет, что подтверждало индивидуализацию и дифференциацию ответственности несовершеннолетних. Малолетних до 10– ти лет, по Уложению (п. 1 ст. 173), обязаны были отдать «…родителям или же благонадёжным родственникам для осуществления домашнего исправления…». Эти требования фактически не контролировались и не обеспечивались законом, так как не было вынесения приговора судом. Но сам факт передачи несовершеннолетнего родственникам осуществлялся на основании решения суда, который устанавливал причину, правовую характеристику содеянного и возраст ребёнка. Данная судебная процедура рассматривалась как общая профилактика правонарушений. По мнению современников, «вразумление и наставления», с возможными мерами физического воздействия, только

озлобляли малолетнего. Неправильное воспитание детей чаще всего было упущением родителей, а признание их невиновными приносило больше вреда, чем пользы, так как они оставались в тех же условиях нравственной деградации. Несовершеннолетние, которые достигли уже возраста уголовной ответственности, получали наказание согласно установленной судом степени «разумения», при сокращении размеров и смягчении видов наказания в соответствии с законом. К признанным без «разумения» подросткам применялись разные альтернативные наказания. Многие юристы того времени считали, что по отношению к детям закон должен быть менее карательным и более исправительным, наказание – это не суровое возмездие за совершённое, а залог благополучной будущей жизни. Наказание для детей и взрослых должно различаться и основываться на воспитании и исправлении. Официально упоминание о смертной казни для несовершеннолетних отсутствовало, но вопросы о её применении поднимались неоднократно на практике.

Реформы середины XIX века продолжили совершенствование системы наказания. Указ от 17 апреля 1863 года Александра II «О некоторых изменениях по ныне существующей системе наказаний уголовных и исправительных» отменял телесные наказания по отношению к несовершеннолетним. Судебная реформа 1864 года также закрепляла существенные гарантии в соблюдении прав несовершеннолетних при целостной системе профилактики безнадзорности. Резкое увеличение числа преступлений несовершеннолетних повлияло на специфику содержательной стороны норм права. И уже в редакции Уложения от 1866 года за совершение наиболее тяжких правонарушений фиксировалось применение смертной казни несовершеннолетних или ссылка на каторжные работы.

Число краж в 1874 – 1878 гг. в возрасте до 21–го года было 7,9 %, а до 17–ти лет – 1 %; а в период 1889– 1893 гг. в возрасте до 21– го года было 12 %, а до 17–ти лет – 1,8 % , это было следствием тяжелого материального положения большей части населения и безнадзорного состояния значительной части детей. Поэтому в Указе 1876 года разрабатывали системный подход по профилактике правонарушений, возлагая определённые обязанности на полицию, при частичной поддержке учебных заведений, служащих домов и дворников. Надзор был негласный, «испрошение соглашения» не требовалось. Как показала практика, контрольно– надзорная функция полиции, применявшей принудительно–карательные меры, не справлялась с детской преступностью. Поэтому стали создаваться в разных городах социальные и реабилитационные учреждения для трудных подростков, к началу XX века их было более 1300, на обучении и воспитании содержалось около 300 тысяч несовершеннолетних.

В начале XX века начинается кардинальное изменение политического строя и полное обновление правовой системы России. Произошла отмена ранее действовавших нормативных актов. Это затронуло и нормы, регулирующие возрастные границы, и ответственность несовершеннолетних. Далее в Уложение по редакции 1885 года Николай

II внёс изменения 2 июня 1897 года. С этого периода и до 1917 года опять было смягчение наказаний несовершеннолетних. Если правонарушение было ими совершено по неосторожности, то их просто передавали родственникам или опекунам для исправления. При совершении тяжких правонарушений, по которым ранее назначали смертную казнь, теперь рекомендованы были бессрочная ссылка и каторжные работы в трудных для проживания местах. Эта тенденция прослеживалась и в Уложении 1903 года, с более точными нормами, затрагивающими возраст и психологические особенности ребёнка.

Рассматривая историю применения смертной казни для несовершеннолетних в дореволюционной России, можно выявить некоторые особенности. Данная мера наказания детей прошла серьёзные изменения, которые не были быстрыми. Эволюция целей наказания, правовых и социально– психологических установок является сложным, длительным и нелинейным процессом. Изменения в понимании природы детства, важности воспитания и необходимости наказания проходили противоречиво и неравномерно во всех социальных группах России. Чаще можно было констатировать разрыв в общественных установках и реальности, в текстах нормативных актов и обыденной практике судов. К XVIII веку постепенно утверждаются возрастные границы, применимые к юным преступникам, определяется важное значение идей воспитания и внушения как единственных средств предупреждения и исправления малолетних правонарушителей и, самое главное, негуманность смертной казни.

Передовые идеи просвещения трудно воспринимались в обыденном сознании дореволюционной России, но всё чаще поддерживались политическими деятелями и юристами, что фиксировалось в законодательстве, пусть и в ограниченном виде. Именно правовым нормам в данном случае принадлежало важное цивилизирующее значение, так как высокие внедряемые стандарты через строгий аппарат принуждения и государственный авторитет могли способствовать быстрой модернизации всего общества и отдельного ребёнка, определению действенных средств в воспитании и исправлении. Эти средства по отношению к несовершеннолетним правонарушителям необходимо было внедрить в юридическую практику, позволяющую обеспечить специализированное воздействие. Но наказание во все времена (да и в современном праве также) мало чем способствует в достижении воспитательных задач, обладая ярко выраженным и доминирующим карательным элементом.

Библиография:

1. Богдановский А.А. Молодые преступники. Вопросы уголовного права и уголовной политики: монография.– СПб.: тип. А. Моригеровского, 1871. – 311 с.

2. Буссов К. Московская хроника // В кн.: Хроники Смутного времени. – М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. – 250 с.

3. Воинский Устав 1716 года // ПСЗРИ. Т V.1713– 1719 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 782 с.

4. Кистяковский А.Ф. Молодые преступники и учреждения для их исправления с обозрением русских учреждений: монография / А.Ф. Кистяковский. – Киев: Университетская типография И. Завадского, 1878. – 232 с.

5. Матвеева Е.С., Матвеева Е.В. Становление правового статуса несовершеннолетних в произведениях дореволюционных авторов / Е.С. Матвеева, Е.В. Матвеева // В сборнике научных статей и докладов III и IV международной научно– практической конференции: «Гражданско– правовое регулирование общественных отношений в современной России». – Орёл: ОФ РАНХиГС, 2015. – С. 257– 259.

6. Матвеева Е.С. К вопросу о затруднениях при передаче несовершеннолетних осужденных под ответственный присмотр их родителям в России на рубеже XIX– XX веков / Е.С. Матвеева // Вестник Брянского государственного университета, 2015. – №2. – С. 237– 241.

7. Наказ Императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта нового Уложения / под ред. Н.Д. Чечулина. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1907. – 332 с.

8. Остроумов С.С. Преступность и её причины в дореволюционной России: монография / С.С. Остроумов. – М.: Издательство МГУ, 1980. – 204 с.

9. Русское уголовное право: общая часть Т. 1 / Н.С. Таганцев. – СПб.: Государственная типография, 1902. – 823 с.

10. Соборное уложение 1649 года: хрестоматия / под ред. М.Н. Тихомирова, П.П. Епифанова. – М.: Издательство Московского университета, 1961. – 444 с.

11. Соборное уложение 1649 года // Российское законодательство X– XX веков. в 9–ти томах. Т.3. Акты Земских соборов / под ред. доктора юрид. наук, профессора О.И. Чистякова. – М.: Юридическая литература, 1985. – 512 с.

12. Таганцев Н.С. Исследования об ответственности малолетних преступников по русскому праву и Проект законоположений об этом вопросе / Н.С. Таганцев. – СПб.: Типография А.М. Котомина, 1871. – 159 с.

13. Указ Екатерины II 26 июня 1765 года // ПСЗРИ. Т. XVII. 1765– 1766 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 1135 с.

14. Указ Сената 23 августа 1742 года // ПСЗРИ. Т XI.1740– 1743 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 990 с.

15. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845. – 922 с.

16. Устав о предупреждении и пресечении преступлений 1876 года // Свод законов Российской Империи. – М.: Типография Ф.Б. Миллера, 1876. – 152 с.

17. Юрчук В.С. К вопросу о правовом статусе несовершеннолетнего как субъекта самостоятельной защиты своих прав и интересов / В.С. Юрчук // Вопросы ювенальной юстиции. – 2017. – №4 (66). – С. 4– 8.

References:

1. Bogdanovskiy A.A. (1871) Molodyye prestupniki. Voprosy ugolovnogo prava i ugolovnoy politiki [Young criminals. Issues of criminal law and criminal policy], SPb.: Tipografiya A. Morigerovskogo, 1871, p.311. (In Russ.)

2. Bussov K. (1998) Moskovskaya khronika [Moscow Chronicle], V kn: Khroniki Smutnogo vremeni. M.: Fond Sergeya Dubova, p.250. (In Russ.)

3. Voinskiy Ustav 1716 goda (1830) [Military Charter], PSZRI. T V.1713– 1719 gg. – SPb.: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, p.782. (In Russ.)

4. Kistyakovskiy A.F. (1878) Molodyye prestupniki i uchrezhdeniya dlya ikh ispravleniya s obozreniyem russkikh uchrezhdeniy: monografiya [Young criminals and institutions for their correction with a survey of Russian institutions], Kiyev: Universitetskaya tipografiya I. Zavadskogo, p.232. (In Russ.)

5. Matveyeva E.S., Matveyeva E.V. (2015) Stanovleniye pravovogo statusa nesovershennoletnikh v proizvedeniyakh dorevolyutsionnykh avtorov [The formation of the legal status of minors in the works of pre– revolutionary authors], V sbornike nauchnykh statey i dokladov III i IV mezhdunarodnoy nauchno– prakticheskoy konferentsii: «Grazhdansko– pravovoye regulirovaniye obshchestvennykh otnosheniy v sovremennoy Rossii». Orol: OF RANKhiGS, p.p. 257– 259. (In Russ.)

6. Matveyeva E.S. (2015) K voprosu o zatrudneniyakh pri peredache nesovershennoletnikh osuzhdennykh pod otvetstvennyy prismotr ikh roditelyam v Rossii na rubezhe XIX– XX vekov [On the issue of difficulties in the transfer of juveniles sentenced to responsible supervision of their parents in Russia at the turn of the XIX– XX centuries], Vestnik bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. – №2, p.p. 237– 241. (In Russ.)

7. Nakaz Imperatritsy Yekateriny II, dannyy komissii o sochinenii proyekta novogo Ulozheniya (1907) / pod red. N.D. Chechulina [The Empress Catherine II's order, this commission on the drafting of a new Code], SPb.: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, p. 332. (In Russ.)

8. Ostroumov S.S. (1980) Prestupnost' i yeyo prichiny v dorevolyutsionnoy Rossii: monografiya [Crime and its causes in pre– revolutionary Russia: monograph], M.: Izdatel'stvo MGU, p. 204. (In Russ.)

9. Russkoye ugolovnoye pravo: obshchaya chast' (1902) T. 1 [Russian criminal law: the general part], SPb.: Gosudarstvennaya tipografiya, p. 823. (In Russ.)

10. Sobornoye ulozheniye 1649 goda (1961) / pod red. M.N. Tikhomirova, P.P. Yepifanova [The Cathedral Code of 1649], M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, p. 444. (In Russ.)

11. Sobornoye ulozheniye 1649 goda (1985) // Rossiyskoye zakonodatel'stvo X– XX

vekov. V 9– ti tomakh. T.3. Akty Zemskikh soborov / pod red. doktora yuridd. nauk, professora O.I. Chistyakova [The Cathedral Code of 1649], M.: Yuridicheskaya literatura, p. 512. (In Russ.)

12. Tagantsev N.S. (1871) Issledovaniya ob otvetstvennosti maloletnikh prestupnikov po russkomu pravu i Proyekt zakonopolozheniy ob etom voprose [Studies on the responsibility of juvenile delinquents on Russian law and draft regulations on this issue], SPb.: Tipografiya A.M. Kotomina, p. 159. (In Russ.)

13. Ukaz Yekateriny II 26 iyunya 1765 goda (1830) [Decree of Catherine II June 26, 1765] PSZRI. T. XVII. 1765– 1766 gg., SPb.: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, p.1135. (In Russ.)

14. Ukaz Senata 23 avgusta 1742 goda [Decree of the Senate on August 23, 1742], PSZRI. T XI.1740– 1743 gg. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830. – P. 990. (In Russ.)

15. Ulozheniye o nakazaniyakh ugolovnykh i ispravitel'nykh 1845 goda (1845) [The Code of Criminal and Correctional Penalties of 1845], SPb.: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, p. 922. (In Russ.)

16. Ustav o preduprezhdenii i presechenii prestupleniy 1876 goda (1876) [The Charter of the Prevention and Suppression of Crimes of 1876], Svod zakonov Rossiyskoy Imperii. M.: Tipografiya F.B. Millera, p. 152.

17. Yurchuk V.S. (2017) K voprosu o pravovom statuse nesovershennoletnego kak sub»yekta samostoyatel'noy zashchity svoikh prav i interesov [On the issue of the legal status of a minor as a subject of independent protection of his rights and interests], Voprosy yuvenal'noy yustitsii. №4 (66), p.p. 4– 8.